

Формальные (юридические) источники российского уголовного права с позиции предмета уголовно-правового регулирования

К.В. ОБРАЖИЕВ – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

В статье доказывается, что юридические источники российского уголовного права не ограничиваются только уголовным законодательством, поскольку нормативные предписания, регулирующие уголовно-правовые отношения, содержатся также и в нормативных правовых актах иной отраслевой принадлежности.

Ключевые слова: источники уголовного права; предмет уголовно-правового регулирования; уголовно-правовая норма.

Official (Legal) Sources of the Russian Criminal Law Viewed From the Object of Criminal Law Regulation

K.V. OBRAZHIEV – Head of the Chair of Criminal Law Disciplines of the Academy of Prosecutor General's Office of the Russian Federation, PhD. in Law, Assistant Professor

The article proves that legal sources of the Russian Criminal Law are not limited by criminal legislation only, as normative instructions that regulate Criminal Law relations are also contained in normative legal acts of some other branches of law.

Key words: Criminal Law sources; object of Criminal Law regulation; Criminal Law norm.

В общей теории права, как известно, под формальными (юридическими) источниками права принято понимать внешние формы выражения правовых норм, придающие им нормативный, общеобязательный статус и определяющие степень их юридической силы¹. Проецируя эту дефиницию на область права уголовного, можно в качестве исходного тезиса определить, что формальными (юридическими) источниками уголовного права являются определенные правовые акты, выступающие в качестве внешней формы выражения уголовно-правовых норм. Однако очевидно, что данная формулировка не способна дать сколько-нибудь полное представление о формальных источниках уголовного права, скорее, она позволяет лишь обозначить направления научного поиска, подчеркивая неразрывную связь исследуемого понятия (юридический источник уголовного права) с понятием «уголовно-правовая норма». Если юридические источники уголовного права выступают в качестве внешней формы выражения уголовно-

но-правовых норм, то уголовно-правовые нормы представляют собой содержание формальных источников уголовного права, и это обязывает нас уделить изучению уголовно-правовых норм самое пристальное внимание.

Известно, что «форма не может объективно существовать, если она не наполнена определенным содержанием»². Сказанное полностью справедливо и применительно к юридическим источникам уголовного права, которые немыслимы в отрыве от своего содержания – уголовно-правовых норм. Неслучайно в теории уголовного права вопрос о возможности признания того или иного правового акта формальным источником уголовного права решается именно в зависимости от его содержания: если правовой акт включает в себя уголовно-правовые нормы, то он наделяется статусом юридического источника уголовного права, если же в нем содержатся исключительно неуголовные нормы, то он формальным источником уголовного права не признается.

Подобный подход к пониманию формальных (юридических) источников уголовного права в целом можно признать верным и взять за основу, хотя он и нуждается в целом ряде существенных уточнений. Прежде всего, следует обозначить, какие именно юридические нормы являются уголовно-правовыми, что неизбежно выводит нас на объективно непростую проблему предмета уголовного права (уголовно-правового регулирования). Это вполне закономерно, поскольку уголовно-правовая отраслевая принадлежность юридической нормы (а значит, и возможность признания содержащего ее правового акта источником уголовного права) может быть констатирована только в том случае, если норма регулирует уголовно-правовые отношения.

Проблема определения предмета уголовно-правового регулирования является одной из ключевых в уголовно-правовой науке. И это не случайно, поскольку именно предмет уголовного права формирует его отраслевую специфику, позволяет говорить о нем как о самостоятельной единице. Однако, несмотря на свое принципиальное значение, вопрос о предмете уголовно-правового регулирования не получил общепризнанного решения.

Анализ и обобщение богатейшей палитры мнений в обозначенной области³ позволяет заключить, что в предмет уголовного права входят три группы общественных отношений:

1. Общественные отношения, возникающие вследствие совершения преступления между государством и лицом, совершившим преступное деяние (так называемые охранительные общественные отношения), принадлежность которых к предмету уголовно-правового регулирования признается подавляющим большинством специалистов⁴. Содержанием этих отношений является комплекс взаимосвязанных и корреспондирующих прав и обязанностей субъектов (право государства применить наказание или иные меры уголовно-правового характера к лицу, совершившему преступление, и корреспондирующая этому праву обязанность лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, подвергнуться соответствующим мерам; права лица, совершившего преступление, быть судимым по закону места и времени совершения преступления, на объективную и законную квалификацию совершенного деяния, индивидуализацию наказания, освобождение от ответственности или от наказания и

т.д. и корреспондирующие им обязанности государства)⁵.

2. Общественные отношения, возникающие в связи с фактом совершения общественно опасных деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, невменяемыми лицами. Как известно, в период обсуждения концепции ныне действующего УК РФ отдельные ученые выступали за исключение из уголовного закона положений относительно юридических последствий совершения общественно опасных деяний лицами, не способными нести уголовную ответственность (малолетними и невменяемыми), доказывая, что соответствующие моменты должны быть регламентированы в самостоятельном законе⁶. Однако законодатель реализовал это предложение лишь частично, закрепив правовые последствия совершения общественно опасного деяния невменяемыми лицами в УК РФ, а юридические последствия совершения общественно опасного деяния лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, – в Федеральном законе от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изм.). Не вдаваясь в рассуждения об обоснованности такого законодательного решения, отметим, что посредством их включения в гл. 15 «Принудительные меры медицинского характера» УК РФ была официально подтверждена уголовно-правовая природа общественных отношений, возникающих по поводу совершения общественно опасных деяний невменяемыми лицами. Их содержание составляют: право государства применить к невменяемому принудительные меры медицинского характера и корреспондирующая этому праву обязанность невменяемого лица, совершившего общественно опасное деяние, подвергнуться принудительному лечению; право невменяемого на законное избрание вида принудительных мер медицинского характера, их изменение и отмену при наличии указанных в законе обстоятельств и т.п. и корреспондирующие ему обязанности государства.

3. Общественные отношения, возникающие по поводу правомерной реализации гражданами права на причинение вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния (их принято называть дозволительными отношениями). Хотя идея об уголовно-правовой природе указанных общественных отношений снискала не-

мало сторонников в научном сообществе⁷, отдельные специалисты высказываются по этому поводу довольно скептически. Выражая сомнения в возможности отнесения дозволительных отношений к предмету уголовного права, они отмечают, что право на причинение вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, является конституционным, но не уголовно-правовым полномочием, а отношения в обозначенной сфере регулируются уголовным правом лишь в случае нарушения условий правомерности причинения вреда⁸. Однако, на наш взгляд, сомнения в уголовно-правовой природе дозволительных общественных отношений безосновательны. Дело в том, что объем прав граждан на причинение уголовно значимого вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, основания возникновения соответствующих прав, условия и пределы их осуществления устанавливаются отнюдь не конституционными, а именно уголовно-правовыми нормами. И также на основании уголовно-правовых норм правоприменительные органы делают вывод как о самом наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, так и о соблюдении условий правомерности причинения вреда при их наличии. Все это позволяет считать рассматриваемые общественные отношения составной частью предмета уголовного права⁹. Содержанием этих отношений являются, с одной стороны, право граждан на причинение вреда охраняемым уголовным законом отношениям и интересам при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния (разумеется, при соблюдении установленных УК РФ условий правомерности), и на признание такого деяния правомерным, а с другой стороны, обязанность государства в лице правоприменительных органов признать вред, причиненный при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, правомерным и не привлекать граждан к уголовной ответственности.

Изложенное видение предмета уголовно-правового регулирования позволяет заключить, что формальными (юридическими) источниками уголовного права могут считаться только те правовые акты, которые содержат юридические нормы, регулирующие указанные выше виды общественных отношений. Очевидно, что основным таким актом является уголовный закон. Однако внимательный анализ показывает, что к числу юридических источников россий-

ского уголовного права можно отнести еще целый ряд нормативных правовых актов, которые хотя и не входят в состав уголовного законодательства, но содержат правовые нормы, регулирующие рассмотренные отношения.

В частности, с точки зрения предмета уголовно-правового регулирования формальным источником уголовного права необходимо признать Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, который содержит отдельные нормы, регулирующие охранительные уголовно-правовые отношения (возникающие вследствие совершения преступления между государством и лицом, совершившим преступное деяние). Так, например, ст. 74 УИК РФ определяет два дополнительных вида исправительных учреждений, не указанных в ст. 56 УК РФ, в которых осужденные могут отбывать наказание в виде лишения свободы. Если в соответствии со ст. 56 УК РФ лишение свободы может исполняться только в пяти разновидностях исправительных учреждений (колониях-поселениях, воспитательных колониях, лечебных исправительных учреждениях, исправительных колониях либо тюрьмах), то согласно ст. 74 УИК РФ отдельные категории осужденных могут также отбывать лишение свободы в следственных изоляторах (ч. 1) и лечебно-профилактических учреждениях (ч. 8). Кроме того, в УИК РФ содержатся взаимосвязанные предписания ч. 8 ст. 74 и ч. 2 ст. 101, которые восполняют пробел в ст. 58 УК РФ, определяя категории лиц, отбывающих наказание в лечебных исправительных и лечебно-профилактических учреждениях; предписания ч. 1 ст. 174, которые допускают освобождение по болезни осужденных военнослужащих, отбывающих не только арест либо содержание в дисциплинарной воинской части, как это указано в ч. 3 ст. 81 УК РФ, но и ограничение по военной службе. А поскольку определение видов и правил назначения исправительных учреждений, предназначенных для отбывания наказания в виде лишения свободы, а также оснований освобождения от наказания относится к предмету уголовного права, указанные нормы УИК РФ по своей отраслевой природе являются уголовно-правовыми, что, в свою очередь, дает основание для признания УИК РФ одним из формальных источников уголовного права.

С позиции предмета уголовно-правового регулирования к юридическим источникам уголовного права необходимо отнести также Федеральный закон от 24.06.1999 г.

№ 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изм.), в котором установлены отсутствующие в ст. 92 УК РФ: виды специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа органов управления образованием, куда может быть помещен несовершеннолетний, освобожденный от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ (п. 3 ст. 15); категории несовершеннолетних, которые могут быть помещены в указанные учреждения (п. 6 ст. 15); основания досрочного прекращения пребывания несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (п. 7 ст. 15). Поскольку соответствующие предписания регулируют общественные отношения, возникающие при освобождении несовершеннолетних от уголовного наказания в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия, названный федеральный закон с полным основанием следует считать одним из источников уголовно-правовых норм.

Одним из юридических источников уголовного права следует признать и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, поскольку он также содержит нормы,

регламентирующие отдельные виды уголовно-правовых отношений. В частности, ч. 2 ст. 443 УПК РФ определяет, что принудительные меры медицинского характера не могут быть применены к лицам, совершившим деяния небольшой тяжести, хотя в ст. 97 УК РФ подобное ограничение отсутствует. А значит, нормы УПК РФ регулируют уголовно-правовые отношения, возникающие по поводу совершения общественно опасного деяния лицом, находившимся в состоянии невменяемости.

Таким образом, при решении вопроса о возможности отнесения того или иного правового акта к числу формальных источников уголовного права опираться лишь на его отраслевую принадлежность не следует. Коль скоро содержанием юридического источника уголовного права являются уголовно-правовые нормы, на первый план при определении его статуса выходит предмет регулирования данных юридических норм. И если правовой акт включает в себя нормативные предписания, регламентирующие уголовно-правовые отношения, то его следует считать одним из формальных источников уголовного права вне зависимости от принадлежности к уголовному законодательству.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники права: проблемы теоретического определения // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 28–35.

² Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003. С. 173.

³ Обзор основных научных подходов к предмету уголовного права представлен нами в отдельной публикации, что извлекать нас от необходимости изложения соответствующих теоретических точек зрения в настоящей статье (см. подр.: Ображиев К.В. Предмет уголовно-правового регулирования // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 291–296).

⁴ См., напр.: Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2011. С. 12; Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001. С. 18; Кленова Т.В. Уголовно-правовая норма (понятие, структура, виды): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. С. 6; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 25–29; Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 33–34 и др.

⁵ Следует согласиться с А.И. Санталовым в том, что перечисление прав и обязанностей сторон уголовно-правового отношения – дело трудоемкое, поскольку они не являются застывшими, а меняются в процессе развития уголовно-правовых отношений (см.: Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С. 53). В этой связи перечень прав и обязанностей участников уголовных правоотношений может быть лишь примерным.

⁶ См.: Игнатов А.Н. и др. Концептуальные начала уголовного законодательства Российской Федерации // Советская юстиция. 1992. № 3. С. 2–3.

¹ См. подр.: Obrazhiev K.V. Formal'nye (juridicheskie) istochniki prava: problemy teoreticheskogo opredelenija // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2010. № 4. S. 28–35.

² Kerimov D.A. Metodologija prava: predmet, funkcii, problemy filosofii prava. M., 2003. S. 173.

³ Obzor osnovnyh nauchnyh podhodov k predmetu ugovolnogo prava predstavlen nami v otdel'noj publikacii, chto izbavljaet nas ot neobhodimosti izlozhenija sootvetstvujushih teoreticheskikh toček zrenija v nastojashej stat'e (sm. podr.: Obrazhiev K.V. Predmet ugovolno-pravovogo regulirovanija // Rossijskij kriminologicheskij vzgljad. 2009. № 2. S. 291–296).

⁴ См., напр.: Genrih N.V. Predmet i metod ugovolno-pravovogo regulirovanija: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Rjazan', 2011. S. 12; Zvecharovskij I.E. Sovremennoe ugovolnoe pravo Rossii: ponjatije, principy, politika. SPb., 2001. S. 18; Klenova T.V. Ugolovno-pravovaja norma (ponjatije, struktura, vidy): Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1986. S. 6; Lopashenko N.A. Osnovy ugovolno-pravovogo vozdejstvija: ugovolnoe pravo, ugovolnyj zakon, ugovolno-pravovaja politika. SPb., 2004. S. 25–29; Pudovochkin Ju.E., Pivragidov S.S. Ponjatije, principy i istochniki ugovolnogo prava: sravnitel'no-pravovoj analiz zakonodatel'stva Rossii i stran Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. SPb., 2003. S. 33–34 i dr.

⁵ Sleduet soglasit'sja s A.I. Santalovym v tom, chto perechislenie prav i objazannostej storon ugovolno-pravovogo otноshenija – delo trudoemkoe, poskol'ku oni ne javljajutsja zastyvshimi, a menjajutsja v processe razvitija ugovolno-pravovyh otноshenij (sm.: Santalov A.I. Teoreticheskie voprosy ugovolnoj otvetstvennosti. L., 1982. S. 53). V jetoj svjazi perechen' prav i objazannostej uchastnikov ugovolnyh pravootноshenij mozhet byt' lish' primernym.

⁶ См.: Ignatov A.N. i dr. Konceptual'nye nachala ugovolnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii // Sovetskaja justicija. 1992. № 3. S. 2–3.

⁷ См., напр.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 2000. С. 5–13; Российское уголовное право: В 2 т. / Под ред. проф. А.И. Рарога. М., 2004. Т. 1: Общая часть. С. 8.

⁸ См.: Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. С. 17–18; Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. С. 28.

⁹ Показательным в этом отношении является тот факт, что вопрос о регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном законе всегда являлся и продолжает оставаться предметом весьма оживленной дискуссии (достаточно вспомнить, какие неоднозначные доктринальные оценки вызвали изменения в ст. 37 УК РФ, внесенные федеральным законом от 14.03.2002 г. № 29-ФЗ). И это неслучайно, поскольку изменения в уголовно-правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, самым непосредственным образом оказывают влияние на объем прав и обязанностей участников общественных отношений, возникающих в связи с правомерным причинением вреда. Если бы эти отношения входили в предмет конституционного права, то изменение гл. 8 УК РФ никоим образом не повлияло бы на их содержание.

⁷ См., напр.: Naumov A.V. Rossijskoe ugovnoe pravo. Obshhaja chast': Kurs lekcij. M., 2000. S. 5–13; Rossijskoe ugovnoe pravo: V 2 t. / Pod red. prof. A.I. Raroga. M., 2004. T. 1: Obshhaja chast'. S. 8.

⁸ См.: Zvecharovskij I.Э. Sovremennoe ugovnoe pravo Rossii: ponjatie, principy, politika. S. 17–18; Pudovochkin Ju.E., Pivagidov S.S. Ponjatie, principy i istochniki ugovnogo prava: sravnitel'no-pravovoj analiz zakonodatel'stva Rossii i stran Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. S. 28.

⁹ Pokazatel'nym v jetom otnoshenii javljaetsja tot fakt, chto vopros o reglamentacii obstojatel'stv, iskljuchajushhih prestupnost' dejanija, v ugovnom zakone vseгда javljalsja i prodolzhaet ostavat'sja predmetom ves'ma ozhivlennoj diskussii (dostatochno vspomnit', kakie neodnoznanchnye doktrinal'nye ocenki vyzvali izmenenija v st. 37 UK RF, vnesennye federal'nym zakonom ot 14.03.2002 g. № 29-FZ). I jeto nesluchajno, poskol'ku izmenenija v ugovno-pravovoj reglamentacii obstojatel'stv, iskljuchajushhih prestupnost' dejanija, samym neposredstvennym obrazom okazyvajut vlijanie na ob'em prav i objazannostej uchastnikov obshhestvennyh otnoshenij, vznikajushhih v svjazi s pravomernym prichineniem vreda. Esli by jeti otnoshenija vhodili v predmet konstitucionnogo prava, to izmenenie gl. 8 UK RF nikoim obrazom ne povlijalo by na ih sodержание.